

Муштей Надежда Анатольевна

канд. филос. наук, доцент

Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина (филиал)

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства

и государственной службы при Президенте РФ»

г. Саратов, Саратовская область

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВЕЩИ В КЛАССИЧЕСКИХ ЭПОХАХ

***Аннотация:** присущее классическим типам культур трансцендентное мировоззрение: космоцентризм, теоцентризм, антропоцентризм, логоцентризм с соответствующим Абсолютом Блага и Необходимости, Бога, Логоса, Разума, – задавало порядок всех вещей, являлось означивающей инстанцией, формирующей определенную культуру значений. Данные мировоззренческие эпохи утвердили способ бытийствования вещей, именуемый автором «вертикальным». В работе проводится анализ особенностей функционирования вещей в классических эпохах и выявляются их характеристики.*

***Ключевые слова:** вещь, классическая эпоха, гилеморфизм, предметный символизм, формообразование.*

Можно выделить следующие существенные характеристики способов бытийствования вещей прошлых эпох, которые являлись следствием классического типа мировоззрения. Вещи в жизненном мире человека распределялись по символическому содержанию в иерархии ценностей относительно приближения к метафизическим конечным формам и трансцендентному образцу. Каждая вещь находилась в движении в системе собственного жизненного цикла: возникновения – умирания, как естественных стадийных состояний. Осуществлялось движение вещей в общей эволюции предметных сущих. Утверждалась обусловленность существования вещей в настоящем их предыдущими формами. Здесь имеется в виду идея прогресса и восхождения в рамках одного вида вещей к более совершенному, чаще всего по степени улучшения функционального предназначения. Предполагалась необратимость движения, заключающаяся в отсутствии

необходимости возврата к ранним формам не только в связи с функциональной не востребуемостью, но также и со знаково-символической.

Как можно увидеть, формы такого бытийствования вещи сопоставимы с линейным временным паттерном как длящимся, однонаправленным, необратимым процессом. Вещь традиционных и индустриальных обществ существует замкнуто в рамках своего восхождения по линии естественного развития или в общей ценностно-символической иерархии. Метафизика, руководствующаяся идеей необратимости времени, легла в основу существования вещей, однонаправленности их исторического пути.

Идеи последовательности и стадийности определили представление о линейности всех происходящих событий. Отыскивание метафизических архифундаментов и конечной высшей цели приводило к тому, что вещи не имели исторического права возникать спонтанно, их существование должно было быть оправдано внешней идеальной причиной или необходимостью, которая вписывала их в общий миропорядок на оси времени. Считалось наиболее правильным закономерно-необходимое протекание в рамках собственной тождественности, связи предыдущего и последующего состояния. На этих положениях основывался детерминизм эволюции предметных форм. Порядок вещей можно понимать как следование процессам стадийности во времени, последовательности и казуальности изменений. Эти процессы, стало быть, имеют эволюционный характер, так как представляют собой движение единой вещи по восходящей линии своих исторических трансформаций.

Вещь на протяжении всего времени господства логоцентризма была связана с парадигмой мышления, ориентированного на повторение устойчивых образцов, являющихся материальными проявлениями единственно-истинного начала. Устойчивость всеобщей идеи обеспечивала устойчивость ее материальных свидетельств. Смысл вещи интерпретировался в рамках фундаменталистского типа мышления. Догматизм представлений задавал предел во всех сферах жизнеустройства человека, и даже в XIX в. пластические формы, включая

архитектуру, руководствовались «последовательной семантической доктриной» [2, с. 67], которая устанавливала нормативность исполнения того или иного стиля.

Вещи были упорядочены и иерархизированы согласно приближению или удалению от абсолютного смысла конечного и достоверного основания. Оседлое распределение фундировано классической метафизикой и выделенным Абсолютом, который детерминирует все последующие средовые взаимодействия и движения: «В этом и состоит подлинный смысл фраз: от вещей к первичному огню или от миров (индивидуальных систем) к Богу. Такое подразумеваемое здравым смыслом распределение можно определить именно как фиксированное, или оседлое, распределение» [1, с. 104].

В единичной вещи видели всеобщее, будь то закон мышления, абсолют, воля и т. д. Все это способствовало укреплению вещи и реплицируемости ее в русле традиции. Такое ритуальное повторение текущих материальных форм, согласно Броделю, есть особенность «медленной эволюции», которая всеми силами стремилась сохранить, удержать, повторить. По его мнению, такой тип эволюции вещей сохранялся вплоть до XIX века.

Вертикальная модель основана на выделении «верха» и «низа», когда упорядочивание происходит по линии, соединяющей эти онтологические измерения. В такой картине мира выстраивается иерархичность, основанная на приближении / удалении к трансценденции. Нечто за пределами сущего, «сверх сущего» формирует вещи по своему образу и подобию, согласно собственным законам организации, подчиняет их единой высшей цели. Вертикальная модель мира конституируется при утверждении мирового Абсолюта, идеальной субстанции, являющейся исходной точкой всего многообразия универсума. Линейное миропонимание основывалось на семантической и аксиологической иерархии, присущей логоцентризму и идеализму, которая проявлялась и на уровне материальных форм. Вертикальная модель мироздания, основанная на трансценденции, хорошо описывается метафорой натянутой нити, вдоль которой располагаются все феномены мира, и которая является осью, упорядочивающей любые значения.

Любое становление в рамках традиционных культур и классического мышления понимается как восхождение к Абсолютному началу, от конечного к бесконечному, а не как развитие само по себе, имманентно присущее феномену. Поэтому становление в классическом мировоззрении мыслится по принципу стадийного приближения к идеальной сущности, выстраивая линию от «низшего» к «высшему». Метафизическое мышление классических культур утверждало необходимость проникновения, познания сущности каждой вещи, определяя тем самым ее семантическую и аксиологическую глубину.

Классическое мировоззрение предполагало, что вещи должны распределяться в соответствии с рациональными закономерностями, а целостность мира предполагает наличие единого центра, относительно которого вещи должны быть онтологически удалены на разное расстояние. Следует рассмотреть период Античности и Средних веков, в качестве наиболее яркого примера реализации вертикального принципа распределения вещей, фундированного трансцендентным началом.

Античное мировоззрение было полностью пронизано трансцендентными идеями, начиная с абсолютизации космического порядка и общемировой гармонии, заканчивая гилеморфизмом и миром идеальных сущностей Платона. Единое и Благо были всеопределяющими и всепроникающими началами, задающими смысл всего мироустройства. Уже в гомеровский период представлена классическая модель Космоса, которая находит свое продолжение у Платона и Аристотеля и понята как целостность и ограниченность, порядок и гармония, Единое, упорядочивающее Многое. Космологическая эстетика определяла античные представления о вещах, их роли и цели: «Все отдельное и все единичное зависит от этого космоса и определяется его общей жизнью» [4, с. 245] Материально-вещественный мир был подчинен мировому космическому порядку, изоморфен ему. Подобно Космосу мир вещей должен был быть иерархически упорядоченным, целостным и завершенным. Каждая вещь представлялась как совершенная и прекрасная в своем подобии прообразу в мире идей. Причины существования вещи в античности также лежали за пределами ее простого наличия

как средства, существовало то, что определяло ее как правильную, служащую высоким целям, оправдывающую свое использование.

Космологизм, манифестировавший целесообразность, гармонию и красоту, находил свое выражение на уровне единичного. Период строгой классики вслед за гомеровской эпохой представляет полное тождество искусства и жизни, их неразделимое единство. Жизнь, природа и искусство это творение, демиургический акт, результатом которого становится совершенный продукт, будь то рождение детей или изготовление ложа. Ремесленное создание вещей как и сами вещи были сакрализованы на основании доминировавших представлений о гилеморфизме.

Гилеморфизмом фундировано любое античное представление о возникновении чего-либо, начиная от космогенеза, заканчивая отдельными вещами. Даже космос в гомеровский период мыслился как вещь в ее совершенном пластическом виде: «Он – тело, огромное, «неизмеримое», прекрасное тело. И не вообще тело, о форме которого было бы очень трудно рассуждать и форму которого было бы очень трудно себе представить. Тело этого космоса вполне определенное, обозримое, измеримое» [4, с. 188]. Оформление как процесс придания формы субстрату был вынесен в качестве основополагающего основания существования вещей. Данное представление пронизывало не только античную философскую мысль, но распространялось в общественном сознании в целом. Материя и эйдос вещи, заключающийся в идее конкретной формы, образовывали принцип бытия всего универсума. Это понимание было вызвано проблемой соотношения единого и многого, то есть античной мыслью о том, что вещество может проявлять себя в разных формах сущего. Мастер являлся демиургом, который, преобразуя материал, делал вещи сообразно основным принципам, работающим и в искусстве: целесообразность, гармония, красота. Идея вещи, определяющая форму, служила образцом, а значит, являлась идеей абсолютно верного набора качеств, своего рода эталоном. Формообразование в античной культуре было одним из самых важных жизненных проявлений, которое одновременно являлось онтологической моделью миропонимания.

Формообразование выступает процессом структурирования хаоса Творцом, которому для этого акта необходим исходный первоэлемент, преобразуемый материал. Готовая вещь считалась объективированным эйдосом, в ее форме усматривалась идеальная модель, связывающая мир трансцендентный (мир идей) и мир имманентный (мир сущего). Соблюдался приоритет формы над материей, так как форма есть совершенная организация материи, реализация эйдоса, того, что в целом определяет бытие вещи, субстрат в свою очередь мыслился подчиненным этой форме, веществом, наполняющим саму идею вещи.

Если в античном представлении предметная форма – это фактическое воплощение сущности вещей, то есть их эйдосы, заключенные в материю, которые следуют космической определенности и порядку, следовательно, вещи также подчинены строю, мере и гармонии и составляют часть космического универсума. Здесь активно реализуется представление об эманации, суть которой заключена в проявлении трансцендентного Абсолюта, коим в античности выступало Благо, на всех уровнях реальности, в том числе на предметно-вещественном уровне. Трансцендентное в античности требовало своего вещественного воплощения согласно основным критериям: целесообразности, необходимости, гармонии, которые являлись манифестирующими принципами организации всего мира. Вещи должны были соответствовать умопостижаемому идеальному образцу: «...отдельные вещи становятся понятны лишь в связи с их идеальным типом, как и сам этот тип существует только в отдельных реальных вещах» [3, с. 178]. За предметностью вещи должен был усматриваться идеальный прообраз, трансцендентное, получившее свою объективацию в реальном мире.

Многие средневековые идеи, касающиеся вещей, тесным образом связаны с античными. В основе принципов формообразования лежали идеи соотношения единого и многого, совершенство умопостижаемого образца, холистическое представление о целостности и завершенности вещей. Вещь в Средние века – это связь предыдущего состояния с последующим, это синтез всех предшествовавших готовой вещи операций и субстрата, а также всех дальнейших возможностей ее использования и кодирования. Связь естественно-природных причин

возникновения вещи с символическими целями есть то, что составляет ее полноту и целостность, словно данному природному веществу предначертано быть именно определенной вещью.

Ремесленник не является демиургом в полном смысле этого слова, так как материя для создания вещей дается Богом посредством природы. Он исполнитель божественного промысла. Познать сущность вещи можно только пройдя путь ее изготовления, проникнув в замысел высшего Творца.

Подчиненность всех форм жизнеустройства в Средние века единому божественному центру складывала абсолютную иерархичность, а также стабильность и постоянство любых структур в данной мировоззренческой системе с одной осью ординат. Имманентный мир реальных материальных фактов мыслился как отражение мира Божественного. Во всех вещах следовало находить след создателя и его замысел и поддерживать символично-ритуальные особенности быта. Символична была даже вытянутая форма домов с двускатной крышей, «устремленность вверх которой объяснялась не только ограниченностью пространства в средневековом городе, но до какой-то степени, видимо, и «вертикальной ориентацией» средневекового сознания» [8, с. 44].

Христианская традиция Средневековья стремилась умопостигаемые образы вещей поставить на службу единой вере. Характер средневекового мышления обуславливал поиск всеобщих, универсальных причин во всем, чего касался взгляд. Причины эти имели теоцентричную природу и конституировали все сферы жизнедеятельности человека посредством своих материальных проявлений. Человек Средневековья находился в пространстве символов и знаков, отсылающих к сфере идеального.

Предметно-бытовой символизм нивелировал даже утилитарную составляющую вещей, провоцируя тем самым стагнацию формообразования и закрепление за каждой вещью устойчивого значения и положения. «Для средневекового сознания, – как пишет Й. Хёйзинга, – любая вещь была бы бессмыслицей, если бы значение ее исчерпывалось ее непосредственной функцией и ее внешнею формой» [6, с. 222]. Умберто Эко вторит ему: «В символической вселенной каждая

вещь находится на своем месте, потому что все соответствует друг другу, все всегда сходится ...» [7, с. 77]. Изменение вещей происходило в Средние века крайне медленно еще и потому, что каждая вещь представляла собой совершенный замысел Творца, который никто не смел нарушить и внести собственные мшелоимские коррективы: Это естественным образом сказывалось на всей экономике в целом, средневековье было катастрофически слабо оснащено. Любые, облегчающие быт вещи рассматривались как недопустимый грех. Перемещения средневекового человека – как географические, так и социальные – были затруднены. Так же обстояло дело и с вещами, представление о которых соответствовало схеме тождества «вещь – место», «вещь – имя». Простота и строгость вещей, функциональная однозначность и отсутствие излишеств определяли меру достаточности для земных бренных нужд, вторичных и несущественных для спасения души. Стационарность предметных форм осуществлялась еще благодаря жесткому следованию первообразу, данному Богом: «Задача мастера – максимально точно воспроизвести божественный первообразец, степенью приближения к нему и определяется его мастерство» [5, с. 35]. Застывшие в своей форме вещи являлись абсолютной нормой для Средневековья, так как каждой вещи соответствовало идеальное значение, ригористическая мысль, поучение, в связи с этим любое изменение вещи разрушало бы тождественную ей устойчивую смысловую конструкцию, выполняющую регулятивную функцию в обществе и культуре.

Как в случае с трансцендентным миром идей Платона, вещь Средневековья соответствовала идеальному прообразу, задуманному Демиургом, но не для удовольствий человеческих, а для духовного восхождения к Создателю через чувственный мир. Ценности вещи самой по себе не существовало, она была лишь посредником между горним миром и человеком, воплощая в знаках божественный промысел. Устанавливался символический порядок на материальном уровне и иерархизация вещей по степени приближения к Абсолюту или к выразителю Абсолюта.

Такова была «вертикальная» форма распределения вещей, починенных трансцендентному началу. При этом соблюдалась устойчивость значения вещи и сохранение за ней строго определенного места в данной картине мира.

Предметный символизм сохранялся в эпохи Возрождения и Просвещения. Однако он уже менее относился к реальной жизни и в полной мере реализовывался в искусстве.

Список литературы

1. Делёз Ж. Логика смысла. – М.: Академ. проект, 2011. – 472 с.
2. Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. – М.: Стройиздат, 1985. – 136 с.
3. Кнабе Г.С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. – М.: Индрик, 1994. – 528 с
4. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. – М.: АСТ, 2000. – 624 с.
5. Харитонович Д.Э. Средневековый мастер и его представления о вещи // Художественный язык средневековья. – М.: Наука, 1982. – С. 24–39.
6. Хёйзинга Й. Осень Средневековья. – М.: Наука, 1988. – 540 с.
7. Эко У. Искусство и красота в средневековой эстетике. – СПб.: Алетейя, 2003. – 256 с.
8. Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI – XIII веков. – М.: Искусство, 1978. – 175 с.